

Предисловие

Главная красота этой книги заключается не столько в ее литературном слоге или в количестве и полноте содержащихся в ней сведений, сколько в ее простодушной правдивости. Страницы ее являются записью действительных событий. Оставалось только слегка расцветить их; но за это не взималось дополнительной платы. Джордж, Гаррис и Монморанси — не поэтические идеалы, но существа из плоти и крови, — в особенности Джордж, который весит около ста семидесяти фунтов. Другие сочинения могут превзойти это глубиной мысли и знания человеческой природы; могут соперничать с ним оригинальностью и размерами; но в отношении безнадежной и неисправимой правдивости ничто из донныне открытого не в состоянии превзойти его. Более всех прочих его прелестей упомянутое свойство увеличит ценность этим рассказам в глазах вдумчивого читателя и придаст лишний вес уроку, преподанному им.

*Лондон,
август 1889*

I

Трое больных. — Страдания Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Полезные рецепты. — Исцеление болезней печени у детей. — Мы сходимся на том, что переутомились и нуждаемся в отдыхе. — Неделя на волнующейся пучине. — Джордж предлагает реку. — Монморанси заявляет протест. — Первоначальное предложение принимается большинством трех голосов против одного

Нас было четверо — Джордж, Вильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, покуривая и толкуя о том, как мы плохи, — разумеется, я хочу сказать, с медицинской точки зрения.

Все мы расклеились и серьезно этим озаботились. Гаррис объявил, что на него временами находят такие необычайные приступы головокружения, что он сам не знает, что делает; а потом Джордж сказал, что с ним случаются также припадки головокружения и тогда он едва знает, что делает. Что до меня, у меня была не в порядке печень. Знал же я это потому, что только что прочел рекламу патентованных пилюль для печени, в которой описывались различные симптомы, помогающие человеку рас-

познать, что его печень не в порядке. У меня имелись все до одного.

Странное дело, я не могу прочесть ни одного объявления о каком-нибудь новоизобретенном средстве от той или иной болезни, не убедившись в то же время, что я страдаю ею, и притом в самой злокачественной форме.

Я всегда нахожу у себя все ее признаки и симптомы.

Помню, как-то раз, чувствуя себя не совсем здоровым (кажется, это была простая лихорадка), я пошел в библиотеку Британского музея посмотреть в медицинском справочнике, какими средствами нужно лечиться от лихорадки. Я добыл книгу и вычитал все, что мне было нужно, затем, от нечего делать, начал перелистывать ее дальше, изучая разные болезни. Не припомню теперь, что первое попало мне на глаза, — знаю только, что это был какой-то страшный, губительный недуг, один из бичей человечества. Еще не дочитав до конца описи симптомов болезни, я уже убедился, что она гнездится в моем теле.

Оледенев от ужаса, я несколько минут сидел без движения, потом с горя начал перелистывать дальше. Наткнулся на тифозную горячку, просмотрел симптомы и обнаружил, что я, несомненно, болен тифом, болен уже несколько

месяцев, сам того не зная! Надо посмотреть, нет ли еще чего? Дошел до пляски святого Витта, — так и есть, и тут все признаки налицо. Это меня заинтересовало, и я решил узнать всю правду до конца. Прочел о перемежающейся лихорадке и узнал, что болен и ею, но острый период наступит только через две недели. Брайтова болезнь у меня была, но, к счастью, в легкой форме: с этим можно еще жить, и довольно долго. Зато холера оказалась у меня с тяжелыми осложнениями, а дифтерит, должно быть, у меня был врожденный. Словом, я добросовестно перебрал все болезни по алфавиту и пришел к заключению, что у меня нет только одной — хронической язвы голени!

Вначале я даже немного обиделся, точно мне оказали неуважение. Что за гнусность! Почему бы у меня не быть и хронической язвы голени? Почему она должна составлять исключение? Однако, поразмыслив немного, я успокоился. Ведь, кроме нее, у меня были все болезни, известные медицине. Надо умерить свой эгоизм и как-нибудь обойтись без хронической язвы голени. Злостная подагра уже давно терзала меня, а я даже и не подозревал о ее присутствии. Это была последняя болезнь, описанная в справочнике, так что и болеть мне больше было нечем.

Я сидел и раздумывал о том, какой я интересный субъект с медицинской точки зрения и какой находкой был бы я для медицинского факультета. Студентам не пришлось бы бегать по госпиталям — я один стою целого госпиталя! Студентам достаточно было бы изучить одного меня, чтобы сдать экзамен и получить докторский диплом.

Далее я задался вопросом: много ли еще мне осталось жить? Я попробовал сам себя исследовать. Стал шупать пульс, но сначала не мог даже найти его. Потом пульс вдруг забился, и очень сильно. Я вынул часы, стал считать и насчитал 147 ударов в минуту. Попытался выслушать сердце, но и сердца не мог найти. Оно перестало биться.

В конце концов я поневоле пришел к убеждению, что оно все время оставалось на месте и, следовательно, должно было биться. Но найти его я все же не мог, почему — объяснить не сумею. Я ощупал свою грудь, начиная с того места, которое я называю своей талией, и вплоть до головы, ощупал бока, даже закладывал руку за спину — все напрасно! Я ничего не чувствовал и не слышал. Оставалось осмотреть язык. Я высунул его, насколько мог, закрыл один глаз и начал присматриваться другим. Виден был самый кончик. Из этого осмотра я вынес только одно:

окончательное убеждение в том, что у меня скарлатина!

Я вошел в читальный зал здоровым, счастливым человеком, а вышел из него еле волоча ноги, дряхлой развалиной.

Я немедленно отправился к своему доктору. Мы с ним старые друзья. Когда мне кажется, что я болен, он щупает у меня пульс, смотрит язык, болтает о погоде и не берет денег; поэтому я решил, что мне, по всей справедливости, следует пойти к нему и теперь. Я говорил себе: «Что нужно доктору? Практика. Я дам ему практику. В смысле практики я стою сотни обыкновенных пациентов, у которых не бывает больше, чем по одной, по две болезни!»

Итак, я отправился прямо к нему. Прихожу. Он спрашивает:

— Ну-с, что с вами такое?

— Милый друг, — говорю я, — не хочу отнимать у вас золотого времени и потому не стану рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете умереть раньше, чем я окончу. Я лучше скажу вам, чем я не болен. Я не болен хронической язвой голени. Почему я ею не болен — сказать не сумею, но факт остается фактом: этой болезни у меня нет. Зато все остальное налицо.

И я рассказал ему, как я пришел к такому заключению.

Доктор велел мне расстегнуться, смерил меня взглядом, завладел моей рукой, стукнул меня по груди в такой момент, когда я этого вообще не ожидал (по-моему, это низость), и сейчас же вслед за тем боднул меня головой в бок. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и подал мне, а я, не читая, сунул его в карман и ушел.

Войдя в первую попавшуюся аптеку, я подал рецепт провизору. Он прочел и возвратил мне его обратно, говоря, что «этого они не держат».

— Как, разве здесь не аптека?

— Вот именно, аптека! Будь у меня гостиница с рестораном, я мог бы помочь вам, а теперь — извините. Я — аптекарь, а не трактирщик!

Я развернул рецепт и прочел:

«1 порция бифштекса и 1 бутылка портера каждые 6 часов. По утрам гулять не меньше двух часов.

Ложиться спать ровно в 11 и не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я в точности исполнил предписание доктора, и результат получился блестящий, — для меня лично, — так как я до сих пор жив и не собираюсь пока умирать.

В данном случае, если мы возвратимся к рекламе пилюль для печени, симптомы, вне сомнения, оказывались налицо, причем главным

из них было «общее нерасположение к работе какого бы то ни было рода».

Никаким языком не выразить, как я страдаю в этом отношении. Я был мучеником с самого раннего детства. В отрочестве едва ли я знал день отдыха от этой болезни. В то время не подозревали, что она происходит от печени. Наука медицины не достигла еще тогда теперешнего развития, и все сваливали на лень.

— Ах ты, скверный бесенок, — бывало, говорят мне, — поворачивайся-ка, потрудись-ка и ты за хлеб насущный! — не зная, разумеется, что я болен.

И пилюлями меня тогда не кормили, а кормили тумачами по голове. И, как это ни покажется странным, но эти тумачи нередко излечивали меня — по крайней мере, на время. Случалось, что единственный тумач по голове имел больше действия на мою печень и внушал мне больше нетерпения отправиться, не теряя времени, и тут же проделать то, что требовалось сделать, чем целая коробка пилюль в настоящее время.

Знаете ли, это часто так бывает — простые, старомодные средства иной раз оказываются действеннее целой аптеки.

Мы просидели так с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Ви-

льяму Гаррису, что я испытываю, когда встаю поутру; а Вильям Гаррис поведал нам, как себя чувствует, ложась в постель; что же касается Джорджа, он стоял на коврикe перед камином и талантливо изображал в лицах, что с ним происходит по ночам.

Джордж *воображает* себя больным; но надо вам знать, что на самом деле у него никогда не бывает ничего серьезного.

В этот момент в дверь постучалась миссис Поппетс с вопросом, угодно ли нам ужинать. Мы печально улынулись друг другу и заметили, что придется попытаться что-нибудь проглотить. Гаррис сказал, что часто удается отдалить приступ болезни с помощью полного желудка. Тогда миссис Поппетс внесла поднос, и мы подсели к столу: слегка отведали ростбифа с луком и закусили тортом с ревенем.

Уж, верно, я был слаб в это время: отлично помню, что по прошествии первого получа-са пища перестала меня интересовать — необычайное для меня состояние, — и я даже не стал есть сыр.

Исполнив этот долг, мы заново наполнили стаканы, зажгли трубки и возобновили прежний спор по вопросу о здоровье. Что такое именно с нами, ни один из нас сказать не умел; но все мнения сходились на том, что оно —

чем бы оно ни было — вызвано переутомлением.

— Отдых — вот единственное, что нам нужно, — сказал Гаррис.

— Отдых и полная перемена обстановки, — поддакнул Джордж. — Чрезмерное напряжение мозга вызвало общую подавленность всей системы. Перемена впечатлений и отсутствие необходимости мышления восстановят духовное равновесие.

У Джорджа есть родственник, обыкновенно обозначаемый в полицейском протоколе студентом-медиком, благодаря чему Джордж, естественно, усвоил способы выражения домашних врачей.

Я согласился с Джорджем и предложил разыскать какое-нибудь уединенное, забытое местечко, вдали от безумствующей толпы, и промечтать солнечную недельку в его дремотных долинах. Какой-нибудь полузабытый уголок, запрятанный волшебницами вне доступа шумного света, — причудливое гнездо, прилепившееся к утесам времени, куда вздымающиеся валы девятнадцатого века будут доноситься слабыми и далекими звуками.

Гаррис сказал, что в таком месте, вероятно, будет скучно. Он объявил, что знает: я подразумеваю такое место, где все ложатся спать в во-

семь часов, ничего нельзя достать ни за какие деньги и приходится ходить за десять миль за табаком.

— Нет, — сказал Гаррис, — если хотите отдыха и перемены, ничто не превзойдет морской прогулки.

Я решительно восстал против морской прогулки. Морская прогулка хороша, когда у тебя два месяца впереди, но на одну неделю это грешно.

Отчаливаешь в понедельник, втемяшив себе в голову убеждение, что будешь наслаждаться. Пошлешь воздушные приветы оставшимся на берегу, запалишь самую громадную из своих трубок и примешься выступать по палубе, чувствуя себя капитаном Куком, сэром Фрэнсисом Дрейком и Христофором Колумбом в одно и то же время. Во вторник жалеешь, что поехал. В среду, четверг и пятницу призываешь смерть. В субботу становишься способным проглотить немного мясного бульона и сидеть на палубе и отвечать с бледной, нежной улыбкой, когда добрые люди спрашивают, как ты теперь себя чувствуешь. В воскресенье снова начинаешь разгуливать и есть твердую пищу. А в понедельник утром, когда стоишь у трапа с саквояжем и зонтиком в руке, дожидаясь высадки, тогда только и начинаешь находить удовольствие в морской прогулке.

Помнится, однажды мой свояк отправился в краткое морское путешествие для здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно; когда же достиг Ливерпуля, единственным его желанием было продать свой обратный билет.

Говорят, его предлагали по всему городу с огромной скидкой и спустили в конце концов за восемнадцать пенсов желчному с виду юноше, только что получившему от своих врачей совет пожить на берегу моря и побольше двигаться.

— Берег моря! — сказал мой свояк, любовно вкладывая ему в руку билет. — Да вам его тут хватит на целую жизнь, уж что касается движения, то вы проделаете больше движений, сидя на этом пароходе, чем проделали бы, кувыркаясь на суше!

Сам он — мой свояк — возвратился поездом. Он объявил, что для него достаточно здорова и Северо-Западная железная дорога.

Другой мой знакомый пустился в недельное плавание вдоль побережья, и перед отплытием буфетчик пришел спросить его, желает ли он платить за стол каждый раз отдельно или за все время сразу.

Буфетчик рекомендовал второй способ как наиболее дешевый. Он сказал, что возьмет

с него за всю неделю всего только два фунта пять шиллингов. На завтрак подается рыба, затем что-нибудь жареное. Ленч бывает в час и состоит из четырех блюд. Обед в шесть часов — суп, рыба, закуска, ростбиф, птица, салат, сладкое, сыр и десерт. В заключение легкий мясной ужин в десять часов.

Мой приятель заключил, что изберет систему в два фунта пять шиллингов (он не дурак поест), и так и сделал.

Ленч совпал с тем моментом, когда они только что оставили за собой Ширнесс. Мой приятель оказался не таким голодным, как ожидал, поэтому удовольствовался ломтиком отварного мяса и несколькими ягодами земляники со сливками. В течение дня он предавался долгим размышлениям, и то ему казалось, что он уже целые недели питается одним отварным мясом, то представлялось, что прошли годы с тех пор, как он ничего не брал в рот, кроме земляники со сливками.

И мясо, и земляника со сливками также казались неудовлетворенными, чувствовалось, что им как-то не по себе.

В шесть часов пришли доложить, что обед готов. Известие не внушило ему восторга, но он чувствовал, что надо же отработать часть этих двух фунтов и пяти шиллингов, поэтому стал

цепляться за веревки и за что попало и спустился вниз. У подножия лестницы его встретил приятный запах лука и горячей ветчины, смешанный с ароматом жареной рыбы и овощей; затем с елеинной улыбкой приблизился буфетчик и осведомился, что ему подать.

— Подайте меня вон отсюда, — был слабый ответ.

Тогда его живехонько вытащили на палубу, прислонили к перилам с подветренной стороны и оставили в покое.

Следующие четыре дня он вел простой и безгрешный образ жизни на тощих капитанских сухарях (я хочу сказать, что тощими были сухари, а не капитан) и содовой воде; но к субботе уже набрался форсу настолько, что разрешил себе жиденького чаю с гренком, а в понедельник заливался куриным бульоном. Во вторник он расстался с пароходом и с сожалением проводил его глазами, когда тот, пыхтя, отдалялся от пристани.

— Уходит себе, — сказал он, — уходит и уносит с собой на два фунта принадлежащей мне провизии, которой я не воспользовался.

По его словам, если бы ему накинули хоть один денек, он успел бы еще поквитаться с ними.

Итак, я восстал против морской прогулки. Не ради себя самого, как я пояснил им. Мне никогда не бывает дурно. Но я боялся за Джор-